

Василий Звягинцев

РАЗВЕДКА БОЕМ

T8 RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
3-45

Под редакцией Звягинцева С.В.

Звягинцев, В.

3-45 Разведка боем / В. Звягинцев. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 476 с. — (Одиссей покидает Итаку).

ISBN 978-5-521-73715-4

Закадычные друзья, парни из 80-х годов XX века с принципами и твердой жизненной позицией, приходят на выручку своей подруге и оказываются участниками затянувшегося конфликта могущественных цивилизаций. Не важно, кто прав, важно, что и призом, и разменной монетой в сражениях является наша Земля, люди и сама реальность. Нет желания быть слепым орудием инопланетного разума, невозможно оставаться в стороне. Лишь в борьбе за родной мир удастся доказать, что только сами люди вправе распоряжаться своей Землей и творить свою историю. Схватки, погони, интриги и предательства, звёздные войны и тихий передел мира, настоящая дружба, любовь и боевое братство... Всё это и многое другое в романе Василия Звягинцева «Одиссей покидает Итаку».

Книга по праву относится к классике русской фантастической прозы и, фактически, легла в основу жанра российской альтернативной фантастики. Роман получил такие престижные литературные премии как «Аэлита», литературная премия имени А.Р. Беляева, «Интерпресскон», «Странник», а также специальную международную премию «Еврокона».

BIC FL
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-73715-4

© Василий Звягинцев, текст 2020
© Эллина Звягинцева, обложка, 2020
© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

ОТ РЕДАКТОРА

Четвертый том книги Василия Звягинцева хочется предварить статьей, написанной талантливым писателем и публицистом Андреем Дмитриевичем Балабухой. Эта статья, фактически рецензия, на роман «Одиссей покидает Итаку», была написана в 1993 году к выходу второй части книги в издательстве «Северо-Запад», г. Санкт-Петербург. Она интересна сама по себе, но в то же время является и своеобразной «капсулой времени» — как первые части романа «законсервировали» отражение жизни страны начала 80-х годов XX века, так и данная статья отразила некоторые литературные реалии начала следующего десятилетия — 90-х... Оглядываясь на прошедшие с тех пор, без малого, три десятка лет, поражаешься и актуальности поднимаемых в тексте вопросов, и точности формулировок. И с грустью, и с неким трепетом, и с удивлением читаешь об ожиданиях от ближайшего будущего, планах на него, прогнозах... глядь — а всё уже и произошло...

**1984 год по Звягинцеву, или
похвальное слово сослагательному наклонению**
(печатается с разрешения автора)

СТАРАЯ АНГЛИЙСКАЯ ПОСЛОВИЦА утверждает, что в комнате, где беседуют Том и Джек, присутствуют как минимум шесть человек: Том, каким видит его Джек, и Джек, каким представляется он Тому; Том и Джек, каким каждый из них видит собеседника; и, наконец, Том и Джек, каковы они на самом деле. Последнее, признаться, вызывает большие сомнения — не знаю,

как вы, а я не способен вообразить некоей абсолютной объективности; любой, самый что ни на есть сторонний наблюдатель, до Бога включительно, в оценке людей и событий исходит из своих собственных критериев и представлений. Однако в целом пословица, несомненно, справедлива. Вспомнил же я ее потому, что роман, о котором идет речь, являет собой повествование о жизни Джека, рассказанное им самим (и вдобавок, замечу, в сослагательном наклонении). Монолог этот сугубо субъективен, и столь же субъективным будет мой о нем разговор, ибо и я — плоть от плоти того же Джека, иными словами — поколения, к которому принадлежим мы все: и автор романа, и его герои, и даже критик — ваш покорный слуга. И потому я не в силах взглянуть на нашего Джека со стороны, с позиций любого Тома — пусть это сделают (а так оно и будет, не сомневаюсь) другие, наши старшие или младшие современники. Уверен, они скажут иное и по-другому. Но в ожидании этого давайте побеседуем пока о нашем коллективном герое, то есть

О ТЕХ, КОМУ ЗА ТРИДЦАТЬ, или, точнее, о тех, кому было за тридцать в 1984 году. Это — первое послевоенное поколение, те, чья юность или отрочество пришлось на «оттепельные» времена, кто смолоду успел глотнуть хоть полусвободы, хоть четверть правды в недолгие двенадцать лет, что пролегли между Будапештом и Прагой.

Как и всякое другое, это поколение окружено собственной аурой из имен, словечек, названий и понятий. Оно зачитывалось Аксеновым и Битовым, Вознесенским, Кушнером и Еvtушенко; заново открывало для себя Ренана и Марка Аврелия; с «Сокровищем Громовой Луны» Эдмунда Гамильтона приобщалось к западной фантастике, а с «Туманностью Андромеды» Ивана Ефремова и «Страной багровых туч» братьев Стругацких — к отечественной; через «Похитителей велосипедов» и «Рим в одиннадцать часов» открывало для себя итальянский кинематограф, а через «Дилижанс» и «Великолепную семерку» — мир голливудского вестерна... Событиями для него стали первый двухтомник американской новеллы и первый же, в черном дерматиновом переплете, двухтомник Хемингуэя... Да что там! Одно это перечисление

при минимальном тщании могло бы перерасти в полноценную телефонную книгу. И все это — не только точные приметы места и времени, но еще и своеобразный пароль, что-то вроде клинговского «мы одной крови — ты и я!». Скажи, что ты читаешь, и я скажу тебе, кто ты... Этим и жива литература, этим и создается наполняющий любое произведение воздух, перекидывается сеть мостов между автором и всеми его читателями. Но как же трудно, оказывается, наводить эти мосты, стоит ассоциациям утратить самоочевидность! Тут-то и начинают множиться догадки и толкования: а что имел в виду писатель? на кого намекал? какие обстоятельства подразумевал? И обрастают книги неохватными комментариями, ибо уже из памяти следующего поколения легко и естественно ускользает многое, для сверстников не требовавшее никаких разъяснений. И не надо обращаться за иллюстрациями к пушкинской, скажем, эпохе: многие ли из нынешних двадцатилетних сразу поймут, что такое «музыка на костях», когда в эру кассетных магнитофонов и лазерных дисков архаикой стали не только доморощенные, на рентгеновской пленке нарезанные, но и вообще патефонные пластинки? Или — почему неизменную ироническую улыбку вызывает выражение «...и ушел в сторону моря»? А кто оценит предложение: «Выпьем по коктейлю номер три!» — если не смотрел легендарного «Лимонадного Джо»?

Вот этой-то аурой пропитан насквозь звягинцевский «Одиссей» — вы найдете здесь и прямые, с указанием авторов и произведений, цитаты и скрытые, мимоходом брошенные намеки. Ведь даже датировка действия заставляет сразу же вспомнить «1984 год» Джорджа Оруэлла, а упоминание полевого синтезатора «Мидас» отсылает к «Трудно быть богом» Стругацких, и от одного этого словечка враз встаёт в памяти то лето шестьдесят четвертого, и — «хррум-хррум-хррум» — марширующие по улицам Арканара отряды «серых», и благородный дон Румата Эсторский... Но самое главное — вмиг понимаешь, что написано это тобой, о тебе и для тебя, человеком одной с тобою крови, «одной серии», как формулирует это у Звягинцева Андрей Новиков. И уже только за озаряющее чувство общности ты готов принять книгу безоговорочно и безоглядно.

Но дело, разумеется, не только в этом. Будь оно так — роман все-таки не состоялся бы, ибо одной радости самоузнавания, конечно же, недостаточно. Как минимум, к нему необходимо добавить самопознание.

Вот этим и решил — не знаю, в какой мере сознательно, а в какой степени инстинктивно, — заняться Звягинцев. В сущности, все его основные мужские персонажи: Новиков, Левашов, Шульгин и даже несколько наособицу стоящий Воронцов — лишь разные ипостаси одного героя. Автор, как демиург, создал по образу своему и подобию несколько клонов (может быть, для вящей точности их следовало бы назвать репликатами), лишь наделив одного из них большими познаниями и склонностью к наукам гуманитарным, другого — к точным и так далее. Именно поэтому они так дополняют и понимают друг друга, что кажутся порой не группой, а сверхорганизмом. Однако в силу этого же обстоятельства им куда труднее найти общий язык, ощутить внутреннее единство, едва речь заходит о людях иных поколений — старшего, как Берестин, или младшего, как Лариса. Здесь уже в помине нет того понимания с полуслова-полувзгляда, а начинается обычное человеческое налаживание отношений, которые никогда не бывают простыми.

Не случайно в достаточно густонаселенном романе Новиков-Левашов-Шульгин являются организующим ядром, тогда как все остальные проявляются преимущественно во взаимоотношениях с ними, через отношение к ним. Больше того, даже магическое число три здесь отнюдь не является актом авторского произвола. За ним сразу же встают три богатыря, три мушкетера, три товарища... И не в том, прежде всего, суть, что три — волшебное число. И далее не в том, что тройка — великая устойчивая асимметрия, та минимальная форма объединения, которая не обладает избыточной способностью к самораспаду. В отличие от легко дробящихся четверки и больших групп. В первую очередь Звягинцеву важен ряд культурных ассоциаций. Причем последняя, ремарковская, имеет особое значение. Именно это, Первой мировой психологически покалеченное Поколение назвала в свое время «потерянным» Гертруда Стайн (впоследствии слова ее почему-то не раз приписывались Хемингуэю, но

он в том не виноват). Внутренним изломом отличались и «младшие шестидесятники». Это о них писал Наум Коржавин:

*Но вот надвигается юность иная.
Особых надежд ни на что не питая,
Она по наследству не веру, не силу –
Усталое знание от нас получила.*

От наших пиров ей досталось похмелье,
Она не прельстится немислимой целью,
И ей ничего теперь больше не надо –
Ни нашего рая, ни нашего ада.

Именно отсюда исходит и то отношение к жизни, что так точно подмечено Звягинцевым, — скептический оптимизм, находящий максимальное выражение в словах императора-стоика Марка Аврелия, которые любил в свое время цитировать Черчилль: «Не теряйте мужества, худшее впереди...» Но это поколение нельзя назвать потеряннм. Оно — нереализованное. Точнее — недореализованное, недовостребованное. Их нельзя назвать неудачниками, ибо чего-то удалось достичь практически каждому. И каждому из нас, и каждому из героев романа. Но многое и не удалось — непропорционально многое, прямо скажем. Разрыв между потенциальными возможностями и их реализацией непомерно велик.

Готов биться об заклад: как раз осознание величины этого разрыва и подвигло Звягинцева взяться за перо и сочинить фантастический роман, чтобы показать, чего могли бы добиться, какими могли бы стать наши сверстники, дай им судьба возможность развернуться. С этой точки зрения «Одиссей покидает Итаку» — ода поколению, написанная в сослагательном наклонении. Но вот тут-то и возникает самый интересный вопрос: а чего же не хватает, чтобы потенциальные возможности претворились в реальные свершения, каковы они –

НЕПРЕМЕННЫЕ УСЛОВИЯ СВОБОДЫ без которых нечего и говорить о какой бы то ни было самореализации?

Прежде всего, разумеется, надобен джинн. Как могли бы совершить все свои лихие подвиги звягинцевские герои, не оказавшись у них в руках невероятных достижений инопланетной науки и техники, помноженных на инженерный гений Левашова? Ничего бы у них не вышло, само собой. Но, в сущности, не имеет ни малейшего значения (кроме как для фабулы и жанра романа), каково происхождение всех этих чудесных возможностей. Сотворил ли некий инженер-самородок из магнитофона «Грюндиг», самовара фирмы «Сукинъ и сыновья» и ломаного будильника прехитрый агрегат, позволяющий по щучьему велению получать все, чего душе пожелается — от сигарет «Салем» до танка «Леопард» включительно, — или оказаться в любом, по своему выбору, месте — хоть на пляже Вайкики, хоть на планете Валгалла; предоставил ли в распоряжение героев те же самые возможности джинн Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, выпущенный из кувшина, с риском для жизни добытого со дна Москвы-реки, — в конечном счете, разница совершенно не принципиальная. И в том и в другом случае срабатывает эффект Золотой Рыбки. Тот же самый, кстати, что превратил заурядного в общем-то моряка Эдмона Дантеса в могущественного графа Монте-Кристо. Только у Дюма-отца эту функцию выполнил сундук с сокровищами, зарытый в пещере невинно убиенным кардиналом Спада. И, между прочим, пожалуй, именно этот пример в чистом виде выявляет суть проблемы — необходимость в экономической независимости. Не так уж трудно вообразить, будто Левашов изобрел не свой прибор, а упоминавшийся уже полевой синтезатор «Мидас», способный превращать в золото любую труху. И при таком раскладе в распоряжении героев с тем же успехом могли оказаться все те же возможности, разве что путь к их осуществлению оказался бы подлиннее да поизвилистей. Конечно, это был бы уже совсем другой роман, но природа явления ничуть бы не изменилась. Важно здесь лишь одно: экономическая независимость есть не самоцель, а лишь мощный и совершенно необходимый инструмент для достижения цели.

А вот к чему стремиться — уже совсем другой вопрос. Граф Монте-Кристо, как вы помните, жаждал мести. А Генрих Шли-

ман, например, зарабатывал миллионы для того, чтобы, удалившись от дел, истратить их на осуществление детской мечты — раскопки Приамовой Трои. Звягинцев изрядно облегчил своим героям жизнь, избавив их от изначального выбора цели, — волею автора и судеб они, по брюсовскому выражению, «вброшены в невероятность», замешаны в противоборство цивилизаций и просто ориентируются по ходу дела. Вот эта самая брошенность в невероятность — второе неперемное условие свободы. Ибо означает не только избавление от рутины, от тотальной регламентации быта, но и — в первую очередь — полное внутреннее раскрепощение. Это — своего рода второе рождение. «Его вдруг охватило чувство необыкновенной остроты и реальности существования. Пронзительное до озноба. Чувство, которое у большинства горожан давно и окончательно задавлено стремительной монотонностью городской беспросветной жизни, когда годы мелькают так же быстро, как недели, и нет ни времени, ни повода «остановиться, оглянуться». Ведь это именно он, Андрей Новиков, стоит здесь и сейчас. Он жив, полон сил, он чувствует и мыслит. Есть только он, и это мгновение настоящего... Именно с ним и сейчас все это происходит — то, чего никогда еще ни с кем не случалось. Он задумал и проводит немислимую для нормального человека операцию, начал и ведет борьбу против целой суперцивилизации и, что самое смешное, твердо намерен выиграть. Пусть там, дальше, что угодно случится, но этого длящегося мгновения, ради которого, наверное, и стоит жить, никто у него не отнимет». Парадокс — реальность существования по-настоящему ощутима лишь в невероятных условиях. Но парадокс этот извечен. Не к этому ли ощущению реальности стремились все, кто бросался в неведомое и пытался достичь невозможного, — бесконечная плеяда первооткрывателей, коим несть числа?

Если два первых условия имеют характер всевременной и всечеловеческой, то третье гораздо более локально и обусловлено особенностями нашего, российского, а в немалой мере — и советского менталитета. Я бы назвал его «свободой под огнем».

Помните, у Василия Гроссмана в «Жизни и судьбе»: Сталинград, руины дома, кругом — канонада, огонь и смерть, но имен-

но здесь люди чувствуют себя свободнее всего. Над ними лишь одна власть — воинского долга, причем исполнять его можно в той форме, которая им самим представляется наиболее целесообразной. Это не просто «в борьбе обрешь ты счастье свое», да простят мне тени господ эсеров столь вольное обращение с их лозунгом; и не «мятежный ищет бури». Здесь совсем иное — освобождение от чьей угодно власти там, где уже не существует ничего, помимо диктата совести и долга. Это сродни чувству безопасности того голого человека, с которого, по справедливому замечанию Ходжи Насреддина, уже невозможно снять халат. Правда, у Звягинцева эта тема звучит смягченно. Ибо — в отличие от вышеупомянутого дехканина и гротескных героев — персонажи «Одиссея» обладают всеми неизменными условиями раскрепощения, о которых мы говорили, совокупно. Но даже снабженные своей научно-технической Золотой Рыбкой, брошенные в любую невероятность, я далеко не уверен, что они чувствовали бы себя полностью свободными и удовлетворенными жизнью, не окажись они ввергнуты в состояние затяжной войны аж четырех — если считать и нашу, земную — цивилизаций разом. Но это и естественно — ведь автор-то человек русский, а по воспитанию так даже и советский, и потому отказаться от подобного мировосприятия свыше его сил.

Однако за свободу звягинцевским героям приходится все же расплачиваться. Прежде всего осознанием того обстоятельства, что обратной дороги нет. Что возвращение к прежней жизни уже невозможно. Ощущение это заложено уже в самом названии романа — «Одиссей покидает Итаку». Покидает — и перед ним Троянская война, где проявит наш хитроумный герой свои многочисленные таланты; впереди — странствие, воспетое слепым поэтом. Но вот возвращается он на Итаку — и что же? Как там у Брюсова: «Одиссей многомысленный благородно дряхлеет в ничтожной Итаке»? Об этом песню не сложишь! Всякая одиссея, по идее, должна быть дорогой с односторонним движением. Возвращение же — практически неизбежная (по крайней мере, для людей, наделенных умом и воображением)